

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ РОДОПСКОГО ДИАЛЕКТА

Родопский диалект представляет собой весьма своеобразную, замкнутую группу говоров в юго-восточной Болгарии (средние Родопы). Исследователь родопского диалекта Л. Милетиц полагает, что различие говоров в родопском крае выросло из единого древнерупского диалекта, основу которого составляло древнеболгарское племя Смолѣне и родственные ему племена¹. Горный ландшафт и особые культурно-исторические условия определили некоторую обособленность, автономность в развитии и способствовали консервации ряда существенных особенностей в культурной и языковой жизни. Родопский край отличает архаичность всего жизненного уклада², здесь еще живы поверья, заговоры, обряды, связанные с различными праздниками крестьянского календаря³. Родопский диалект характеризуется устойчивыми архаичными чертами в области звукового строя, морфологии, словообразования. К таким выразительным явлениям, особенно характеризующим родопский диалект, следует отнести тройной местоименный член, сохранение старых падежных форм⁴, более широкое функционирование старых суффиксов (ср. суф. *-мо* в составе *варзмѣ*, *ве'змѣ*⁵). Юго-восточные говоры сохраняют в ряде случаев назальный элемент (ср. *грѣндѣ* 'идти' < *gręsti), также выявляются следы произношения *ы* без типичного для

¹ *Miletič Lj.* Die Rhodopemundarten. Wien, 1912, S. 5. Место родопского диалекта в кругу юго-восточных говоров Болгарии определяется по-разному. Л. Милетиц полагал, что в составе рупской группы, которая охватывает все южные говоры Болгарии, родопские и юго-восточные македонские говоры образуют западную часть. Ст. Стойков (Българска диалектология. София, 1955) делит юго-восточные говоры на две большие группы: рупскую (восточную) и родопскую (западную). В 1962 г. Ст. Стойков возвращается к взглядам Л. Милетица и делит рупские говоры на восточнорупские, родопские, западнорупские. С. Б. Бернштейн и Е. В. Чешко относят к рупским говорам лишь говоры Странджи и старый фракийский диалект; в их состав, а точнее в западнорупскую часть, включаются восточнородопские говоры, которые по многим своим признакам ближе к странджанским говорам, чем к центральнородопским. См.: *Бернштейн С. Б., Чешко Е. В.* Классификация юго-восточных говоров Болгарии. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1963, т. XXII, 4, с. 289—299.

² *Примовски А.* Бит и култура на родопските българи. Материална култура. — СБНУ LIV. София, 1973; *Шишков Ст.* Материална култура из Средните Родопи. — Родопски напредък, 1945, III/4, с. 213.

³ *Шишков Ст.* Следи от култа на слънцето в Родопите. — Родопски напредък, 1910, VII/1, с. 2; *Он же.* Следи от култа на огъня в Родопите. — Родопски напредък, 1910, VII/5, с. 115.

⁴ *Miletič Lj.* Op. cit., S. 99—168; *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1954, с. 76—79, 113—114.

⁵ *Słownik prasłowiański*, II, с. 14; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 136; *Шишков Ст.* Из източните склонове на Родопите. — Родопски напредък, 1909, VI/5—6, с. 91.

южных славян изменения $y > u$ ⁶. Но полнее всего самобытность родопского диалекта проявляется в словаре.

Наиболее полное представление о лексическом составе родопского диалекта дают материалы, опубликованные в недавнее время Т. Стойчевым в двух томах «Болгарской диалектологии» (т. II и т. V). Много ценного и поучительного материала содержит словарь говора с. Момчиловци (Смолянско) в исследовании Ст. Кабанова⁷. Небольшие списки слов помещены в журналах, сборниках, книгах, посвященных родопскому краю⁸.

Изучение болгарской лексики в плане ее географического распределения показывает, что родопский диалект лишь частично участвует в установленной Ст. Стойковым лексической противопоставленности болгарских диалектов в направлении северо-запад — юго-восток, а западнее от Пазарджика — запад — восток⁹. Существующая граница между зонами распространения *нога/крак*, *риза/кошу'а*, *разбой/стан*, *жежѣк/горешт*, *йарѣм/хомѣт*, *чувам* 'слушать' / *чувам* 'сохранять' достаточно близко подходит к ятевой границе, которая одновременно является границей этнографических и языковых явлений самого различного характера¹⁰. В родопском диалекте, расположенном как бы на границе этих двух областей, большей частью снимается лексическое противопоставление: лексемы *нога* и *крак*, *стан* и *разбой*, *риза* и *кошу'а* достаточно широко представлены на родопской территории. Более определенно выражено участие родопского диалекта в изолексе *йарем/хомѣт*, *горешт/жежѣк*, *чувам* 'слушать' / *чувам* 'сохранять'. По известным нам источникам родопский диалект вместе с юго-восточными говорами содержит слова *омѣт*, *умѣт* 'хому' (БД II, 226, 286), *жештинѣ* 'сильная жара' (БД V, 169), *чувам* 'сохранять' (БД II, 302), но лексемы *йарем*, *горешт*, *чувам* 'слушать' отсутствуют в этой области.

Родопский словарь отличают существенные особенности, которые выявляются при сравнении родопского диалекта с другими болгарскими диалектами, литературным языком и языком староболгарским. В литературе уже отмечались некоторые из лексико-семантических архаизмов родопских говоров: ср. *клет* 'комната,

⁶ *Мирчев К.* Следи от слб. *ы* в говора на село Калапот, Зѣхненско. — В кн.: Сб. в честь на проф. Л. Милетич. София, 1933, с. 56—59; *Кабанов Ст.* За някои характерни старинни черти на тихомирския говор, Кърджалиско. — *Език и литература*, 1963, XVIII/1, с. 11—26.

⁷ *Кабанов Ст.* Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. — Изв. на Института за български език. София, 1956, IV, с. 66—89.

⁸ Родопски напредѣк, т. I—XII. Пловдив, 1903—1912; Сб. Широка Лѣка. Просветно огнище в Родопите. София, 1947, с. 311 и далее.

⁹ *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1968, с. 150—152, 161—162; *Он же.* Основното диалектно деление на български език. — В кн.: Славянская филология, III. София, 1963, с. 111 и далее.

¹⁰ *Младенов М. Сл.* Об одной древней лексической изоглоссе в болгарском языке (названия ярма в болгарских говорах). — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 346—369; *Он же.* Роль лексических данных в диалектном членении болгарского языка. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 66—71.

в которой хранят одежду', *дѣмн'а* 'маленькое оконце над огнем', *тѣлчник* 'орудие, с помощью которого очищают зерна от шелухи', *сѣда* 'виллообразная подпорка у плетня', *жѣрда* 'прут', *кѣрѣх* 'кусок, комок, маленькая частица', *врах* 'количество снопов' обмолачиваемое за один раз', *вѣбел* 'источник', *кѣзн'а* 'кузница', *карчѣк* 'ведро', *ѣблак* 'передняя доска в приспособлении для перевозки груза на спине' и т. п.¹¹ Отмеченные диалектизмы частично известны и другим болгарским диалектам: ср. *жерда*, *соха*, *облак* в странджанском диалекте (БД I, 84, 140, 118), сев.-вост. *ѣбел*, *ѣбел*¹² и др. Замечено, что родопский диалект в большей степени, чем остальные болгарские говоры, сохранил староболгарские слова. Так в соответствии со ст.-болг. которыми находим в родопских говорах *катрѣ*, *катрѣ*, *катрѣ* (БД II, 183), *кѣтрѣ* (БД V, 183), *кѣтро*¹³; при ст.-болг. пазнегътъ, пазнегътъ в родоп. *пѣзнехте* мн. 'когти хищного зверя (медведя, волка)' (БД II, 230), причем в других южнославянских языках не находим подтверждений этой основы¹⁴. Южнородопский говор с. Тихомира сохраняет в функции относительного местоимения *ажѣт*, *ѣжѣт* при ст.-болг. иже, гже, еже, глагол *вели* 'сказал' при ст.-болг. келѣги 'рассказывать, желать, хотеть'¹⁵.

Некоторая архаичность духовной культуры, мифологические представления находят отражение в особом семантическом наполнении отдельных общеупотребительных славянских слов. Народные поверья о насыле болезни нечистой силой, изгоняемой с помощью обрядов, заговоров, делают понятным употребление слов *вѣтѣр* в значении 'ревматизм' (БД II, 138), *напрѣто* в значении 'заноза' (ср. *напрѣдвам* гл. несв., *напрѣт'а* 'изгонять с помощью магии', БД V, 190). На правах культового термина выступает гл. *напѣвам* 'совершать магический обряд с помощью специально приготовленного питья из растений' (БД II, 217: с пометой «устарев.»).

Родопский диалект, являясь своеобразной областью лексической консервации, дает немало ценного материала для изучения болгарской лексики в плане ее исторического развития и диалектного распределения, но для нас особенно важен другой аспект — отражение древнего праславянского наследия в лексическом составе родопских говоров. Выделение этого слоя лексики является важной составной частью общих исследований, направленных на определение состава праславянских лексических диалектизмов в их географическом распределении. В ряде случаев родопский диалект и соседние с ним говоры являются единственной областью на южнославянской территории, где сохраняются старые праславянские основы. Примером тому может служить родоп.

¹¹ *Кабасанов Ст.* Указ. соч., с. 66.

¹² Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 444—449.

¹³ Родопски напредѣк, 1910, VIII/2, с. 62.

¹⁴ *Младенов*, с. 408; *Фасмер III*, с. 186; *Мачек²*, с. 439.

¹⁵ В помет на проф. Ст. Стойков (1912—1969). Езиковедски изследвания. София, 1974, с. 268.

сор 'куча зерна вместе с сорняком' (БД V, 209), а также гюмюрдж. *сор* 'куча' (БД VI, 86), продолжающие праслав. *sořь (ср. рус. *сор*), связанное чередованием с *sъrati. В родоп. *въжек* 'вид серой неядовитой змеи' (БД II, 141) можно усматривать едва ли не единственное свидетельство основы *qъь на территории болгарского языка¹⁶. Несколько расширяет представление об ареале основы **čilъjъ*¹⁷ родоп. *по-чил-ен* 'заостренный', перен. 'сварливый, задиристый' (БД II, 246), гюмюрдж. *пучилен* 'заостренный' (БД VI, 70). Славянская лексема *gvozďъ, известная болгарским говорам преимущественно в значении 'гвоздь', сохраняется в родоп. *при-гозинка* 'пень, ствол срезанного дерева' (БД V, 202), следы старого значения 'лес'¹⁸. Праслав. **glut-* отражают словен. *glûta, glûta* 'шишка, желвак, опухоль' и, видимо, родоп. *о-глутка* 'огрызок'¹⁹. К реликтовым локальным образованиям следует отнести родоп. *красат, красаф* 'кисловатый на вкус' (ср. еще разлож. *красат*, макед. *красат*, костур. *красат*), объясняемое на основе и.-е. *(*s*)*ker-* 'резать'²⁰. Родоп. *смилѐло го ѓе* 'ломит, дерет' (БД V, 269) вместе с словен. *miljáva* 'горящие угли' и блр. диал. *засмилиети* 'загореться' являются диалектным отражением апофонического варианта праслав. **smel-/smola* в глаголе (ср. ю.-слав. название растения *smilь)²¹.

Список лексических архаизмов родопского диалекта, ранее не привлекавших внимания исследователей, может быть пополнен следующими образованиями.

Родоп. *вардуне* мн. 'двуколка для спуска бревен, деревьев и т. п.', *вурдуне* мн. 'крепкие кольца (обычно два), заменяющие задние колеса у двуколки; эти кольца служат для спуска бревен и одновременно являются тормозом' (БД II, 136, 141). Оба слова с корневой частью **vъrd-* (+ суф. *-und*) родственны русским-существительным с полной ступенью корневого гласного **vord-*: тул. *вородун* 'одноколка', *ворбдня* 'бревно, которое кладется в воду у борта барки и предохраняет ее от столкновения с другой баркой'²². Интересная русско-болгарская (родопская) изолекса обнаруживает продолжение на балтийской территории в лит. *virdis* 'шест в сарае, поперечная балка', лтш. *vārde, vards* 'балка на крыше, подвешенные шесты для хранения одежды'. Лескин связывает балтийские слова с лит. *vėrti*, лтш. *vėrt* 'продевать нитку,

¹⁶ В словарях Фасмера и Махека болгарское соответствие отсутствует. См.: Фасмер IV, с. 150—151; *Machek*², с. 673.

¹⁷ ЭССЯ 4, с. 112.

¹⁸ ЭССЯ 7, с. 185.

¹⁹ ЭССЯ 6, с. 155.

²⁰ БЕР II, с. 718 со ссылками на Младенова и Бернара, см.: Младенов, с. 255; *Bernard R. Le vocabulaire du dialecte de Razlog.* — БЕз 1962, IV, с. 88—89 (сближает со ст.-слав. *красьнь* 'красивый'). Из последних работ на эту тему см.: Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — В кн.: Этимология. 1976. М., 1978, с. 45—48.

²¹ Куркина Л. В. Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков. — В кн.: Этимология, 1979. М., 1981, с. 22.

²² Филин 5, с. 109.

открывать, запира́ть'²³. В таком случае балто-славянский лексический диалектизм **vord-/*vǫrd-* представляет расширение основы **ver-* элементом *d* (ср. рус. *верать* 'совать, вкладывать, прятать', *завор* 'жердь, закрывающая проезд'²⁴).

Отмеченное на болгарской территории лишь в родопском диалекте слово *вѡже* (БД V, 169) в специфическом значении 'плацента' (ср. Майката роди и *вѡжето падна*) не нашло отражения в «Болгарском этимологическом словаре». Есть основания думать, что это довольно старое слово примыкает к ряду если не синонимичных, то семантически близких образований с основой **vǫz-* (~ **verz-*). Для славянской основы **vǫz-* с очень широким составом производных прослеживается особая линия семантического развития, закрепившая за этой основой обозначение не просто связи, соединения, а связующего состава, связующего основания. Полнее всего эта семантика проявилась в сфере бортничества, где с основой **vǫza/*vǫzъ* связывается обозначение пчелиного клея, воска, пчелиных сот. Именно в этой функции выступают рус. диал. *узá, ўза* 'вощинка, которая выступает плоскими колечками по суставам ножек пчелы (а не мед, который у нее в зобу); восковой клей из почек березы и других деревьев; сотовая сушь, без меда; вощина из-под сотов', *уз* 'исподнее дно улья'²⁵, брл. диал. *вуза* 'пчелиные соты'²⁶. По существу тот же семантический признак лежит в основе укр. *узá, узї* 'жирный налет на воде' (т. е. жир как связующее начало)²⁷. Из других славянских языков, по нашим наблюдениям, лишь польский знает примеры использования основы **vǫz-* в сфере бортничества: *wiáz, wáz woskowy* 'воск, клей, которым пчелы покрывают стены улья', *wázza* 'pierwsze więzanie pszczelne w ulu, commosis', *węzá, wiáz* 'соты'. В строительной терминологии сочетания *więzy ścienne, więzy poziome, więzy pionowe* обозначают связующее основание стен, фундамент²⁸. В этом же ряду становится понятным и словацкое производное с суф. *-or* *úzor* 'основание ствола от пня'²⁹.

В родоп. *вѡже* 'плацента', т. е. орган связи зародыша с телом матери в период внутриутробного развития, представлено с некоторыми видоизменениями основное, опорное значение 'связующий состав, связующее основание'. В этом случае, как и во многих других, родопский диалект оказывается областью сохранения архаичных лексем, не засвидетельствованных на остальной южнославянской территории.

Для родоп. *жѣлдѣ ме* безл. 'колет, режет; вызывает внутреннее беспокойство' (БД II, 159; Славеино, Виево, Кутела, Река, Влахово, Смолянско) едва ли можно признать убедительным

²³ Fraenkel, S. 1259.

²⁴ Фасмер II, с. 72.

²⁵ Даль² IV, с. 478; Фасмер IV, с. 152.

²⁶ Бялькевич, с. 113.

²⁷ Гринченко IV, с. 323.

²⁸ Варшавский словарь VII, с. 527, 541.

²⁹ Nabovštiak A. Oravské nárečia. Bratislava, 1965, с. 159.

предлагаемое «Болгарским этимологическим словарем» объяснение на основе контаминации *жѣли* = *жили* и *бодѣ*³⁰. Болг. *жѣлдѣ* еще не было предметом этимологического изучения, а между тем это слово представляет несомненный интерес, так как открывает новые аспекты в изучении целой группы слов. Болгарское слово этимологически родственно слав. *želĕti, *žalb, *žedlo (последнее по диссимиляции из *geldlo), и, следовательно, отражает старую основу **žel-* < **g^hel-*, ср. лит. *gėlti* 'болеть, жалить', лтш. *dželti* 'колоть'³¹. По своей структуре родоп. *жѣлдѣ* представляет сочетание расширителя *-d* с корневой морфемой в ступени редукции **žyl-*. Тожественную основу **žyld-* отражают рус. диал. *желдь* ж. р. 'Пех aquifolium, водожелдь, вязожелдь, острокровь, остролист, птичий клей, падуб', стар. *желды* мн. ч., а также *жѣледь* 'тростник, из которого делают желейку, дудку'³². По мнению Ф. Безлая, с рус. *желдь* без больших фонетических трудностей сопоставимо словен. *žulj* ж. р., являющееся общим обозначением всех колючих растений, *ražulek* м. р. 'Pinus sembra' (ср. *ožuliti* 'колоть')³³. Таким образом, основа **žyld-*, локально ограниченная восточно- и южнославянскими диалектами, расширяет состав этимологического гнезда с корнем **žel-* и вместе с тем указывает на ранее диалектное функционирование этого корня в сочетании с расширителем *-d*.

Родоп. *кѣндѣм* 'повреждать, разрушать, ломать', 'дразнить, подстрекать' (БД II, 189), не имеющее тождественных по структуре соответствий в болгарском и шире — славянских языках, может быть истолковано как сложение архаичной приставки *ко-* и основы, восходящей к сочетанию приставки *na-* и корня *dě-* < **dhē-* 'ставить, класть' ~ 'делать'³⁴. В тех же родопских говорах отмечен гл. *надѣвам* в значении 'колоть, прокалывать', который вместе с плевен. *дѣѣам* 'обтесывать', польск. *dziąć* 'ткать', стар. 'долбить', н.-луж. *žas* 'вышивать, стегать, ткать' вполне определенно указывает на семантическое ответвление в направлении 'колоть, прокалывать'. Родопский глагол *кѣндѣм* закрепил семантический переход 'колоть' > 'повреждать, ломать' и 'дразнить'. С родопским словом может быть сопоставлено с.-хорв. *knaditi* (*pjesmi*) 'составлять, складывать текст народной песни' (Босния, Герцеговина), которые в словаре Миклошича толкуется как образование аналогичной структуры: корень *nady-* (< *na-* + *dě-*) в сочетании с приставкой *k-*, по всей видимости, развившейся из *ko-*³⁵. Родоп. *кѣндѣм* и с.-хорв. *knaditi* со всеми признаками ар-

³⁰ БЕР I, с. 532.

³¹ Фасмер II, с. 34, 55; Fraenkel, S. 145—146; Pokorny I, S. 470—471.

³² Даль³ I, стб. 1358; Фасмер II, с. 41.

³³ Bezljaj F. Eseji, с. 135; Ludvik D. Dopolnila k imenom zdravilnih rastlin. — SR 1972, t. 20, N 4, с. 423.

³⁴ ЭССЯ 4, с. 229—230.

³⁵ Skok II, с. 108; Miklosich, S. 152.

хаичной структуры сложились, можно думать, в эпоху диалектного развития праславянского, когда приставка *ko-* еще сохраняла некоторую продуктивность.

Родоп. *лупка* 'углубление, выемка между плечом и горлом' (БД V, 185), соотносительное с *луп* в значении 'широкий деревянный обруч на сите, решете', 'черепок' (БД II, 201), является диалектным образованием, обозначением части тела по признаку выпуклой изогнутой формы. В западной части южнославянских языков выделяются в качестве особой изолексы однокоренные образования со значением 'череп': с.-хорв. *лубина*, сев.-зап. *lûbânja*, словен. *lubânja*³⁶. Исходная для них основа **lub-* (< и. -е. **leubh-* 'лущить, снимать кору') связана чередованием с *lъbъ (ср. рус. *лоб*) и **lyb-* (ср. рус. диал. *лыбонь* 'верхняя часть голени животного' и *улыбаться*) и родственна лит. *liúbas* 'еловая или липовая кора', *lubà* 'доска', лтш. *lûbît* 'лупить', *luba* 'луб' с нерегулярным отношением слав. *u* ~ балт. *ō* (= лит., лтш. *uo*) вместо ожидаемого балт. *ai*³⁷. В составе этимологического гнезда среди широкого круга образований с опорным значением 'кора' ~ 'выпуклость' (ср. с.-хорв. *lûba* 'опухоль железы', *lubenića* 'дыня', болг. *лубеница* то же и т. п.) родоп. *лупка*, с.-хорв., словен. *lubanja* занимают особое место. Являясь обозначением части тела, они вполне определенно отграничены от других семантических филиаций этой основы.

Родоп. *парчѣсва* несл., *парчѣса* св. 'развиваться (о стебле)' вместе с приставочными образованиями *испѣрчва са*, *испѣрче са* 'всходить, появляться о стеблях, которые еще дадут цвет и семена' (БД V, 175, 195), *запѣрчвам* 'остановиться в развитии'³⁸ продолжают праслав. *ръркати, которое характеризует два ряда значений: 'рыть, разгребать, копать' и 'колоть, бить, ударять'³⁹. Родопский диалектизм, являясь семантически производным ('колоть, бить' > 'пробиваться, всходить, появляться на свет'), не изолирован в составе данного этимологического гнезда, напротив, для него обнаруживаются семантические соответствия, в число которых следует включить оставленное Скоком без объяснения с.-хорв. *рѣсати*, *-âт* (Дубровник) 'прорастать, идти в рост', отглагол. *рѣса* 'нарост'⁴⁰, а также болг. диал. *прѣкнувам се* 'появляться на белый свет, рождаться', *прѣкнъ (съ)* то же из диалектов, территориально близких родопскому⁴¹. В этом же ряду может

³⁶ Skok II, с. 322.

³⁷ Фасмер II, с. 526—527; 539; Буга К. Славяно-балтийские этимологии. — РФВ 1914, LXXI, с. 468—469.

³⁸ Материал за българския речник от Вратца и околността му. Записал Бешовишки Д. — СБНУ 1897, XIV, с. 198.

³⁹ Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, с. 21.

⁴⁰ Skok III, с. 28, со ссылкой на Вука.

⁴¹ Геров Г. Странджанският говор; Попгеоргиев П. Из лексиката на с. Чешнегиро, Пловдивско. — БД I, с. 132, 214; Бояджиев Т. Речник на говора на с. Съчавли, Гюмюрджинско. — БД VI, с. 74.

быть понято и чакав. *ispārčit (se)* 'вытягиваться, выставлять, выдаваться, выступать' (ср. *Čà si ispārči ti debèli tarbùh*, Хвар)⁴². Этимологически тождественны им, видимо, образования с приставкой *pa-*: с.-хорв. *pàprčina* 'стебель'⁴³, словац. *parpčok* 'копыто коровы', *parpčka*, *parpča* 'нижняя часть рога у копытных'⁴⁴. Как видим, в отдельных славянских диалектах вполне определенно выражено одно из направлений семантической дифференциации слав. **pr̥kati*, наметившейся, как можно полагать, в эпоху диалектного развития праславянского языка.

Родоп. *партлѣвѣм са* 1. 'прийти в себя, оправиться, подняться (о больном)', 'таращиться, таращить глаза', 2. 'медлить без причины', *опартлѣвѣм са* 'оправиться', 'перестать медлить, поторопиться' (БД II, 232, 226). Некоторая расплывчатость семантики наводит на мысль, что родопские глаголы отражают вторичное состояние, переосмысление и развитие в разных направлениях изначально подвижного и емкого значения. Семантика родопских глаголов строится вокруг основного и опорного значения 'упереться', 'столкнуться', 'встретить помеху'. Родоп. *партлѣвѣм*, имеющее структуру отыменного образования с корневой частью *парт-* (< *пърт-*), осложненной суф. *-л-* и *-ава-* (< **пъртл'ав-*), можно соотнести с некоторыми славянскими глаголами, в составе которых выделяется приставка *ko-* и корень **pert-*, **pyrt-* 'толкать, спотыкаться': польск. *pertać* 'толкать', *wypyrtać* 'вытолкнуть', *kopertać*, *kopyrtać* 'опрокидывать, кувыркаться', (*wy*)*kopertnąć* 'умереть', *skopernąć*, *skopyrtnąć* то же, чеш. морав. *koprtnút* 'споткнуться'⁴⁵, сюда же относятся кашуб. *përtac są* 'крутиться, вертеться', 'быть помехой', *kòpërcëc są* 'о досках: прогибаться', словин. *përt-noga* 'самокат'⁴⁶. В связи с этой группой слов Фасмер рассматривает рус. юж. *скопердин* 'игра, при которой состязаются в метании дугообразной палки', а также укр. *шкопердати* = *шкопиртати* 'бросать палку так, чтобы она шла колесом, ударяясь о землю то одним, то другим концом', *шкопиртка* 'палка, которую шкопиртают'⁴⁷. При этом Фасмер не делает никаких этимологических выводов, отрицая лишь возможность заимствования греч. *σχαιπέρδα* 'игра юношей во время дионисий' на том основании, что это слово отсутствует в новогреческом. Между тем из факта сопоставления с западно-славянскими словами вытекает истолкование приводимых Фасмером слов как образований сложных, включающих приставку **sko-* (> *ско-* > *шко-*) и корневую морфему **pirt-* с продлением ступени редукции в корне.

⁴² *Hraste M., Simunović P., Olesch R.* Čakavisch-deutsches Lexikon. Teil I (= Slavistische Forschungen herausgegeben von R. Olesch. B. 25/I) Köln — Wien, 1979, стб. 312.

⁴³ RJA IX, 41, с. 631 (со ссылкой на Вука): *postane tamno*.

⁴⁴ SSJ III, с. 25; *Matejčík J.* Slovník východonovohradského nářečia. Banská Bystrica, 1972, с. 487.

⁴⁵ Варшавский словарь VI, с. 162.

⁴⁶ *Sl. gwar kaszub.*, II, с. 205; IV, с. 59; *Lorentz Sl. Wb.* I, S. 624.

⁴⁷ *Фасмер* III, с. 649—650; *Гринченко* IV, с. 503.

Поэтому оправдан опыт расширения гвезда с корнем **pert-*, с предположением фонетического преобразования этого корня в чеш. диал. *koprcati se*, словац. *koprcat' (sa)* 'падать, кувыраться', с.-хорв. *koprcati se* 'биться, трепетать', 'отбиваться, вырываться', словен. *koprcati* 'спотыкаться'. Правда, Махек иначе подходит к истолкованию этих слов. В словац. *koprcat' (sa)* он видит интенсификацию на *-s* от гл. *kobřtat' sa*, который в первом издании словаря объясняется из **ko-obrtati < *vert-*, а во втором соотносится с *kotrmelec < *ko-trbati < brt-ati* и далее сближается с лит. *tābalus mūšti* 'бить в бубны'⁴⁸. Нерегулярность фонетических изменений и связанная с этим разнонаправленность понсков исходной основы сильно ослабляют доказательную силу предлагаемого Махеком объяснения. Это обстоятельство и побуждает нас отдать предпочтение указанной выше этимологии, свободной от подобных трудностей фонетического и семантического характера.

Реконструируемое таким образом праслав. **pert-* представляет расширение элементом *-t* основы, родственной слав. **perti*, **pъrǫ* (ср. рус. *упереть*, ст.-слав. *прѣти, пѣрж* 'сорить')⁴⁹. Родопский материал позволяет продлить изоглоссу на южнославянскую территорию и связать болгарские диалекты с лехитской языковой группой.

Родоп. *пѡтара* 'обшаривание, поиск' (с пометой «устаревшее») связано чередованием с гл. *тера́м* 'искать' (БД II, 245, 278) и этимологически тождественно слав. **ter-* с характерным для него синкретизмом значений 'тереть' и 'гнать, бежать'⁵⁰. Для гл. **terati*, производного от **terti*, следует признать обычным значение 'гнать, бежать' (ср. словен. *terjati* 'гнать', в.-луж. *ćeríc* 'ловить', др.-чеш. *potěřiti, vtěřiti* 'persequi'), значение 'искать' отмечено лишь для болг. диал. *тера́м*⁵¹ и кайк. *terjati*⁵². Родоп. *пѡтара* должно иметь в качестве производящей основы глагол на *-iti* **toriti* с корневым *o*, но этот глагол в славянских языках характеризует иное значение — 'торить, прокладывать дорогу': ср. укр. *торити*, рус. *торить* 'прокладывать путь, протаптывать тропу и т. п.', чеш. *tořiti* 'идти' и т. д. Семантически обособлено родопское слово и среди соответствующих славянских именных образований с долгим гласным в корне, сохраняющих живые связи с основным значением 'тереть': польск. диал. *otara* 'пустые обмолоченные колосья', словен. *otāra* 'трепало', кашуб. *tar* 'торная дорога', с.-хорв. *tār* 'размельченная солома'⁵³. По всей ви-

⁴⁸ *Machek*¹, с. 210; s. v. *kobrtati*; *Machek*², с. 264, 283.

⁴⁹ *Фасмер* III, с. 240.

⁵⁰ *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гвездах. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 60.

⁵¹ *Младенов М. Сл.* Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 230.

⁵² RJA XVIII, 76, с. 373—381.

⁵³ *Варбот Ж. Ж.* Указ. соч., с. 59.

димости, родоп. *пѡтара* 'обшаривание, поиск' отражает ту линию семантического развития, которую полнее всего выявляют славянские глаголы на *-ati* с продлением гласного в корне — **tarati*: словен. *tárati* 'мучить, терзать', 'медленно работать или идти' при *trěti*, *tarem (térem)* 'тереть, дробить' и 'угнетать', 'биться, неутомимо трудиться'⁵⁴, польск. *tarac* 'болтать'⁵⁵, словац. и морав. *tarati* 'болтать', 'бесцельно бродить, ходить', словац. *š-tarat* (*sa*) 'рыться', 'ходить, прохаживаться и притом все около себя высматривать', 'шарить', 'колоть, тыкать', 'скрести, царапать'⁵⁶, чеш. *stárati* 'смотреть, следить, рыться, шарить', 'колоть'⁵⁷. Болгарский диалектизм и соответствующие глаголы на *-ati* показывают, что значение 'искать, шарить' в конечном счете восходит к синкретизму значений 'тереть' и 'гнать, идти' через промежуточные ступени 'тереться, обтираться', 'рыться' и 'обхаживать, прохаживаться, бродить'.

В круг продолжений слав. **usnyje* < **us-mnyje* (с суф. *-men-* в нулевой ступени) из болгарского материала обычно включается производное *уснар* 'кожевник', между тем как родопские и соседствующие с ним говоры сохраняют более архаичные лексемы, еще не привлекавшие внимания этимологов. Это — родоп. *осм'анка* 'брюшная часть у борова с очень тонким слоем жира' (БД V, 194), пловдив. *усм'анка* 'часть горловины и брюшины, с которых начинается разделка туши, предварительно опаленной на огне' (БД I, 216), пирдоп. *висминка* 'мясо брюшной части у свињи' (БД IV, 93), тетов. *висманца* 'чистое мясо, предназначенное для копчения'⁵⁸. Болгарские диалектизмы, производные от прил. **usmьnъ* (ср. др.-рус. *усмѣнъ* 'кожаный'), несут в себе следы древней семантики, указывающей на первоначальное использование этой основы для обозначения чистой кожи с минимальным волосяным покровом. Такими природными свойствами обладала кожа брюшины, и именно из этой кожи изготовлялась обувь — *опинци*, о чем свидетельствует одно из диалектных описаний: обувь из свиной или говяжьей недубленой кожи забитого в доме скота⁵⁹. По всей видимости, **usmьnъ* — это обозначение брюшины и шире — кожи, полученной путем опаливания шкуры на огне. Как видим, в болгарских диалектизмах еще жива соотнесенность с конкретными особенностями обозначаемой ими реалии. По одной из этимологических версий слав. **usnyje* сближается с тем рядом индоевропейских слов, который характеризует значение 'жечь': греч. εῖω 'жгу' < **eusō*, лат. *ūrō*, *ussī*, *ustum* 'жечь, сушить', др.-инд. *ḍṣati* 'жжет', др.-исл. *usli* 'огонь'⁶⁰. Современные славянские

⁵⁴ *Pleteršnik* II, S. 656.

⁵⁵ Варшавский словарь VII, с. 21.

⁵⁶ *Kott* IV, с. 28: morav., slov.; III, с. 943; SSJ IV, с. 448; *Matejčík* J. Op. cit., с. 487.

⁵⁷ PSJČ V, с. 679.

⁵⁸ *Тасевски* J. Зборови от тетовскиот говор. — MJ 1952, III, с. 170.

⁵⁹ *Захариев* И. Каменица. — СБНУ 1935, XL, с. 153.

⁶⁰ *Фасмер* IV, с. 171.

языки и диалекты, утратив представления о древней специализации таких названий, как *koža, *kъzno, *usnъje, закрепили за словом *usnъje обозначение выделанной, дубленой кожи: ср. рус. *усма* 'выделанная кожа', с.-хорв. *ѹсмина* 'голенице', чеш. *usně* 'кожа (дубленая)', болг. тетов. *усам* 'выработанная кожа, сафьян'⁶¹.

Родоп. *хдѹпка*, *ѹл'пка* 'клок шерсти, хлопка, льна, конопля', *ѹпак* 'кусок хлеба' (БД V, 192—193, 216), *хѹпка* 'катаракта' (БД II, 296), а также, видимо, *во'пка*, *вѹ'па*, -и 'осевшее место, где естественным путем задерживается вода'⁶² и *вѹпа* 'углубление, котловина' и как местное название вѹда⁶³ (с выпадением начального *x-* и развитием протезы *v-*) при всех своих семантических различиях исторически представляют, видимо, одно слово, которое может быть реконструировано в форме *xъlpa, *xъlрѹка. В специальной литературе болгарские слова не рассматривались, не учтены они и этимологическими словарями. На всей южнославянской территории, за пределами родопского края, соответствующие образования как будто бы отсутствуют. Если обратиться к данным севернославянских языков, то нетрудно заметить, что родопские слова не являются специфически местными образованиями, они входят в определенный ряд славянских соответствий и могут считаться архаичным свидетельством основы, которую «Этимологический словарь славянских языков»⁶⁴ реконструирует в форме *xъlрѹ / *xъlрѹь. В славянских языках из продолжений основы *xъlрѹь болгарским диалектизмам формально и семантически ближе всего словац. *chlр*, выступающее в следующих значениях: 'волосы, шерсть на коже животного, а также у человека', 'волосистой покров (пушок) у некоторых растений', 'пучок, связка, щепоть', 'узел на нити', 'кочок, клок (волос, травы и т. п.)', 'кучка (людей)', 'облако (дыма)', разг. 'малость, мелочь'⁶⁵. Семантически более однородна основа *xъlрѹь: чеш. *chlup* 'волос', 'ворсинка, шерстинка', *chup* (*chлup*) 'заросший мужчина', польск. диал. *chлupy* мн. ч. 'волосы, патлы', рус. диал. *хлоп* 'костра, отходы и т. п.' В качестве названия рельефа родопскому *во'пка*, *вѹ'па* соответствует укр. диал. *ховп* 'небольшая отлогая горка, холм'⁶⁶, карп. *хѹ'пы* 'пропущенные полосы при косьбе'⁶⁷, блр. *хоѹп* 'островок в лесу'⁶⁸, а также в.-луж. *khѹлр* 'верхушка горы'⁶⁹.

⁶¹ Стойчев Кр. Тетевенски говор. — СБНУ, 1915, XXXI, с. 350.

⁶² Шишков Ст. Географските названия в централния родопски говор. — Родопски напредък, 1909, VII/2, с. 37.

⁶³ Кабасанов Ст. Указ. соч., с. 71.

⁶⁴ ЭССЯ 8, с. 41.

⁶⁵ Machek², с. 209.

⁶⁶ Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — В кн.: Полесье. М., 1968, с. 253.

⁶⁷ Решко М. В. Говірка с. Ключарки Мукачівського району. Ужгород, 1951. с. 100 (Дипломна работа).

⁶⁸ Народная лексика. Минск, 1977, с. 88.

⁶⁹ Pfuhl, S. 316.

Как видим, семантическое содержание слав. **xьlъrь* / **xlъrь* составляют два ряда значений: 1. 'волос, шерстинка', 'клок, пучок' и 2. 'некоторая неровность на поверхности земли'. Вопрос о происхождении этой основы не имеет определенного решения. У Фасмера рус. *хлопок* и его соответствия идут с пометой «неясно»⁷⁰. «Этимологический словарь славянских языков» относит слав. **xьlъrь* / **xlъrь* к экспрессивному слою лексики и сближает с слав. **xlъrь* (ср. рус. *хлуп*, *хлупь* 'кончик крестца у птицы, хвостец' и т. п.), **xlъpati* *ср.* Последнее рассматривается как экспрессивное образование, сопоставимое с **xlopati*, **xlapati*, а также с **lъpati* при условии подвижного начального *x*.

Махек разграничивает основы **xьlъrь* и **xlъrь* и дает им разное этимологическое истолкование. Слав. **xlъrь* сближается с лит. *pláuikas* 'волос' через серию фонетических изменений $p-k > k-p$ и $k > ch$ ⁷¹, что едва ли возможно хотя бы потому, что лит. *pláuikas* — производное регулярного типа от гл. *plaukti* 'плыть'⁷². Проводя расслоение западнославянских продолжений основы **xьlъrь*, Махек предполагает возможность частичной контаминации с основой **xlъrь* и допускает для словац. *chlъp* в значении 'клок', 'куча, толпа' влияние фонетически близкого *klb* (*kloub*) 'сустав', 'громада', 'пучок'. В результате вычленяемое как наиболее раннее значение 'узел, петля' служит семантическим основанием для сближения словац. *chlъp* с лит. *kilpa* 'петля', *kilpinė* 'спутанное, взерошенное место', *kilpoti* 'делать узлы', лтш. *ciļpa* 'петля, узел в ткани', *ciļpuđi* 'делать петли, вязать крючком' (отношение $\tau-i$ как в слав. **mъrgati* — лит. *mirgėti*). Славянско-балтийское соответствие предстает как своеобразный термин ткачества, претерпевший семантические изменения прежде всего на славянской почве. Хотя само по себе сопоставление балтийских и славянских слов можно считать вполне приемлемым с точки зрения формы и некоторой общности в содержании, все же нельзя не признать, что ориентация на значение 'узел, петля' не позволяет связать воедино в семантическом отношении всю группу родственных слов с корнем **xьlъrь*. Выбор исходного значения Махеком сделан без достаточно полного учета всех составных частей этимологического гнезда. Более внимательное рассмотрение всего относящегося сюда материала показывает иную иерархию значений, в которой значение 'петля, узел', принимаемое Махеком за изначальное, является производным, вторично сложившимся на базе переосмысления основного значения, полнее и определеннее всего представляемого славянскими языками. На славянской почве именно значение 'клок, клочок', отводимое Махеком как вторичное, и составляет более ранний семантический слой, являясь как бы обозначением результата действия, характер и содержание которого передают отмеченные выше существительные со значе-

⁷⁰ Фасмер IV, с. 245.

⁷¹ Machek¹, с. 158; Machek², с. 200.

⁷² ЭССЯ, 8, с. 41.

нием 'кусок хлеба', 'клок', а также родственные им глагольные образования типа словац. *chlpit'* 'драть, лохматить', *chlpit' sa* 'ссориться, пререкаться, драться', морав.-словац. *chlupať se* 'драться'. За исходную базу семантического развития следует, по всей видимости, принять значение 'рвать, царапать, разрушать', именно от него в ходе дальнейшего развития ответвились значения 'клок, пучок', 'отходы', 'спутанное место; петля'. Значение 'катаракта', свойственное родоп. *хóлпка*, как известно, сосуществует со значениями 'кожица, пленка', 'чешуя', 'осколок'⁷³. Самостоятельную линию образует отношение 'рвать' → 'ров, углубление, неровность'. Что касается балтийских примеров, то и здесь использование основы **kilp-* в сфере текстильной терминологии следует отнести к семантическим новообразованиям. Допустимо считать семантически производными от изначального, основного значения 'рвать, разрушать' балтийские однокоренные образования, связанные чередованием с лит. *kilpa*, а именно: лит. *kálpa* 'мозоль на ноге лошади', 'поперечная балка, на которой держится санный кузов', прусск. *kalpus* 'опора'⁷⁴ ('рвать' → 'нарыв', 'разрушать, ломать' → 'острие', 'палка').

В поисках индоевропейского этимона, опираясь на семантическую реконструкцию, мы приходим к и.-е. корню **skelp-* (< **(s)kel-p-*), продолжениями которого, по данным словаря Покорного⁷⁵, являются следующие образования: греч. *σχάλοψ* 'крот' (т. е. 'роющий землю'), *σχόλοψ* 'палка с острым концом', лат. *scalpō, -ere* 'царапать, скрести, рыться; резать острым предметом', др.-в.-нем. *scelifa*, ср.-в.-нем., нов.-в.-нем. диал. *schelfe* 'кожура', ср.-в.-нем. *schelver* 'оторванный кусок', др.-исл. *skjölfr* 'скамья', англосакс. *scielfe* 'сени, этаж, ярус, дощатая перегородка', *scielf* 'вершина скалы', ср.-н.-нем. *schelf* 'деревянный помост, полка'. Без начального *s-* этот корень в гот. *halbs*, др.-в.-нем., н.-в.-нем. *halb* (т. е. 'geteilt'), англ.-сакс. *hielfe* 'стержень, рукоять' и т. д. В число родственных образований включаются лит. *kàlpa, kilpa* и *sklempìù, skleĩpti* 'гладко обрубать, обтесывать' (с назальным элементом в корне). В словаре Френкеля⁷⁶ *skleĩpti* считается тождественным *skleĩbti* 'гладко стругать, обрубать, резать, скашивать (углы), заострять'. В плане семантики для нас наибольший интерес представляют производные *skliĩbas* 'отрезанный кусок хлеба', *skliĩbis* 'обломок', 'обвал, размыв, разрушение; склон скалы', *skliĩstis* 'ком земли, куча земли'. Как видим, семантическое содержание индоевропейских соответствий составляет сходный набор значений, а именно: 1. 'отрезанный кусок', 'ком', 'кожура'; 2. 'стержень, балка'; 3. 'вершина горы, острие'. Нам представляется, что славянские языки в большей степени, чем балтийские, сохраняют и.-е. основу **skelp-* в ее прямом, изна-

⁷³ Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. I. — В кн.: Этимология. 1972. М., 1974, с. 81—90.

⁷⁴ Fraenkel, S. 210, 253—254.

⁷⁵ Pokorny I, S. 926.

⁷⁶ Fraenkel, S. 810—811.

чальном содержании (ср. значения 'клочок', 'кусок', 'лохматить', 'неровность').

Слав. *xъlpъ отражает основу **skelp-* в ступени редукции с обычным переходом *sk > x* (ср. слав. *xorbrъ ~ лтш. *skarbs*, *xręda < *skręda и т. п.)⁷⁷. Вариант *xъlpъ позволяет говорить об иной исходной структуре — *skъlpъ. Славянские языки представляют основу **skelp-* с гласным в полной ступени, видимо, в рус. диал. *щѣлен* 'челюсть, нижняя скула' (наряду со *скелен*), укр. *щѣлена* 'челюсть', а также *щолопѣк* 'верхушка, макушка'⁷⁸. Восточнославянские образования, можно думать в полном соответствии с требованиями фонетики продолжают старую основу **skelp-* и являются, таким образом, наследием древней праславянской эпохи. Такой подход к объяснению восточнославянских слов, оправданный с точки зрения формы и содержания, заставляет усомниться в справедливости выдвинутого Фасмером⁷⁹ предположения о том, что рус. *щѣлен*, возможно, произведено от *щель*, т. е. является поздним образованием, продуктом не совсем ясного словообразовательного акта с участием, видимо, наращенного *-en-*. Есть все основания видеть в восточнославянском **ščelp-* отражение праславянского диалектизма ограниченного распространения.

Родопский диалект сохраняет след еще одной старой основы. В небольшом словарице, помещенном Т. Стойчевым на страницах журнала «Родопи», находим глагол *нащѣрва са* в значении 'науськивать, натравливать'⁸⁰. Этот глагол, видимо, с некоторым семантическим видоизменением продолжает слав. *ščeriti 'скалить зубы': рус. *щерить*, *ощерить(ся)* 'сильно рассердиться', чеш. *šťřiti*, *šťřiti*, польск. *szczeryć zęby*, в.-луж. *ščerić* и т. д.⁸¹ В южнославянских языках этот глагол известен лишь в форме *cĕriti: ср. болг. *ощервам*, *ощеря* (*зѣбу*), *щерим се* 'ухмыляться', 'скалить зубы', с.-хорв. *cjĕriti*, например *cjeriti zube* 'скалить зубы', *cjeriti se* 'ухмыляться' и т. п.⁸² Болгарский диалектизм как раз интересен сохранением старой основы *ščeriti. В западных диалектах болгарского языка находим еще одно свидетельство этой основы — костур. *ишчѣрвам* несл., *ишчѣра* св. 'жечься (о крапиве)'⁸³. В той же области в с. Бобошево словари фиксируют интересное слово с тем же корнем — *нѣщѣр* 'ножичек, которым срезают для вакцины кожу, пораженную оспой'⁸⁴.

По одной из этимологических версий, принимаемых Миклошичем, Бернекером, Фасмером, слав. *ščeriti и *cĕriti восходит

⁷⁷ ЭССЯ 8, с. 41.

⁷⁸ Даль² IV, с. 653; Гринченко IV, с. 524, 529.

⁷⁹ Фасмер IV, с. 500.

⁸⁰ Стойчев Т. Родопски речник. — Родопи, 1975, № 12, с. 35.

⁸¹ Фасмер IV, с. 504.

⁸² ЭССЯ 3, с. 188.

⁸³ Шклифов Б. Речник на костурския говор. — БД VII, с. 248.

⁸⁴ Кеков Ив. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Душнишко. — СБНУ 1936, XLII, с. 269.

к и.-е. **(s)ker-* 'резать' и связано чередованием с **skora*⁸⁵. Пра-слав. **ščeriti* на южнославянской территории имеет своим ареалом западную часть Болгарии и Родопы.

Особенность родопского словаря в том, что он содержит в своем составе древние праславянские лексемы, слабо засвидетельствованные славянскими языками. Родопский материал уточняет, дополняет и расширяет представления о некоторых фрагментах славянской лексики: ср. **smil-* (родоп. *смилѣло го ѿе*), **vǫza* / **vǫzъ* (родоп. *вѡже*), **rьkati* (родоп. *парчѣсва, парчѣса*), **pert-* / **rьrt-* (родоп. *партлѣвѣм са*), **xьlръ* (родоп. *хоўпка*), **kopaděti* (родоп. *копадем*). На южнославянской территории лишь родопский диалект представляет слово **vьrdunъ* (~ рус. *вородун*). Примером лексико-семантической связи родопского диалекта и славянского языка может служить **žьld-*. Много нового и интересного открывают в плане семантики родоп. *лунка, потара, осм'анка*.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН, IX

(**zoriti*/**zariti* II, **obsogъ* и **obsožiti*, **syknpti*, **rьvьnъ*
и **ruja*, **guzlo*)

zoriti*/zariti* II

В польской лексике обособленное положение занимает диалектизм *zarki* 'ломкий, легко рвущийся' (например, *zielsko zarkie* 'сорняк, который при полке не вырывается с корнем, а обрывается')¹. Соответствие значения слова ('способный к действию') известной словообразовательной модели прилагательных с суф. *-ъk-*² позволяет предполагать и в польск. *zarki* соединение суф. *-ъk-* с корнем *zar-* (возможно, глагольным). В поисках возможностей отождествления этого корня привлекает внимание русский диалектизм *зари́ть* 'разорять, вводить в убытки', 'убивать', *зари́ться* перм. 'разоряться' и псков. 'отцеплять с трудом от чего-либо (зацепившийся невод)'³. Последнее, наиболее материальное, конкретное значение представляется достаточно близким к потенциальному значению корня *zar-* в польском слове (**драть*, **рвать*).

⁸⁵ Miklosich, S. 299; Berneker I, S. 126. ЭССЯ 3, с. 188 трактует это слово как отражение и.-е. **skoi-*, расширенного суффиксальным элементом *-r*.

¹ Варшавский словарь VIII, с. 248.

² См. Troubetzkoy N. Les adjectifs slaves en *-ъkъ*. — BSL, 1923, t. 24, f. 1, p. 130—137; Откупщиков Ю. В. Литовский язык и праславянские реконструкции. — Baltistica, 1974, t. X, 1, с. 15—19.

³ Филлин 10, с. 383—384.